

Теоретические вопросы и модели государственного регулирования экономики

© Сергей Евгеньевич Трофимов

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия, tennist91@mail.ru

Аннотация. Анализ моделей государственного регулирования выявил полную вариативность степени вмешательства государства в экономическую жизнь общества. Отмечается неоднородность результатов идентичной экономической политики применительно к различным странам и историческим этапам. Цель работы – показать сравнительные преимущества и недостатки разных моделей государственного регулирования экономики. В статье рассмотрены и проанализированы различные подходы к государственному регулированию хозяйственной деятельности, изучены взгляды ведущих ученых по данному вопросу. Обосновано, что выбор между той или иной моделью предопределяется социально-экономическим состоянием общества, менталитетом населения, а также многими другими факторами и может варьироваться от крайней степени дерегулирования различных отраслей до полной государственной монополии производства всех видов продукции. Сделан вывод о необходимости поиска оптимальных направлений в реализации политики государственного регулирования экономики на основе синтеза отдельных теоретических моделей, поскольку различия между некоторыми из них в современных условиях стали весьма условными.

Ключевые слова: государственное регулирование экономики, модели государственного регулирования экономики, устойчивое развитие, механизм государственного регулирования экономики, методы государственного регулирования, формы государственного регулирования, инструменты государственного регулирования

Для цитирования: Трофимов С. Е. Теоретические вопросы и модели государственного регулирования экономики // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2021. Т. 11. № 4. С. 588–601. <https://doi.org/10.21285/2227-2917-2021-4-588-601>.

Original article

Theoretical issues and models of the state regulation of economy

Sergei E. Trofimov

Baikal State University, Irkutsk, Russia, tennist91@mail.ru

Abstract. Analysing the models of state regulation revealed the total variability of governmental intervention in the economic life of society. The heterogeneity of the results associated with identical economic policies applied to different countries and historical stages is noted. The work aims to demonstrate the comparative advantages and disadvantages of different models of the state regulation of economy. The article examines and analyses various approaches to state regulation of economic activity; the views of leading scientists on this issue were studied. It was established that selecting a model is substantiated by the state of social and economic development, the mentality of the population, as well as many other factors, and can vary from extreme deregulation of various industries to the state monopoly on producing all types of products. In conclusion, it is necessary to establish optimal directions in implementing the policy of state regulation of the economy based on the compilation of individual theoretical models since the differences between some of them have become conditional.

Keywords: state regulation of the economy, models of state regulation of the economy, sustainable development, mechanism of state regulation of the economy, methods of state regulation, forms of state regulation, instruments of state regulation

For citation: Trofimov S. E. Theoretical issues and models of the state regulation of economy. *Izvestiya vuzov. Investitsii. Stroitel'stvo. Nedvizhimost' = Proceedings of Universities. Investment. Construction. Real estate*. 2021;11(4):588-601. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2227-2917-2021-4-588-601>.

Введение

Государственное регулирование экономики в своей эволюции прошло длительный исторический путь. Анализ вариативности участия государства в процессе производства показывает, что оно находилось в пределах, начиная от крайней степени дерегулирования разнообразных отраслей, а также экономики в целом, и заканчивая полной государственной монополией производства всех видов продукции. При этом в различных странах одна и та же экономическая политика государственного регулирования далеко не всегда приводила к одинаковым результатам, где-то обеспечивая серьезные успехи и процветание, где-то приводя к провалам и даже краху общественного воспроизводства¹.

Следует отметить, что среди ученых нет единства во взглядах на сущность государственного регулирования экономики. Так, «Большой экономический словарь» трактует данную категорию как «воздействие государства на деятельность хозяйствующих субъектов и рыночную конъюнктуру с целью обеспечения нормальных условий для функционирования рыночного механизма, решения экологических и социальных проблем»². На наш взгляд, государственное регулирование экономики должно быть направлено не только на «обеспечение нормальных условий для функционирования рыночного механизма», но и на устранение или смягчение недостатков, присущих ему.

Расплывчатое определение государственного регулирования экономики дал Л. Г. Ходов. Он понимает его как «целенаправленный процесс, обеспечивающий поддержание или изменение экономических явлений и их связей»³. Из этого определения, во-первых, сложно понять, о каких экономических явлениях и связях идет речь, поскольку далеко не все из них нуждаются в

централизованном регулировании, во-вторых, неясно, кто и с помощью какого инструментария планирует это «поддержание или изменение».

Интересную трактовку предлагают Н. А. Михальченкова и Т. М. Сметанина, которые связывают государственное регулирование с системой «типовых мер законодательного, исполнительного и контролирующего характера, осуществляемых правомочными государственными учреждениями и общественными организациями в целях стабилизации и приспособления существующей социально-экономической системы к изменяющимся условиям»⁴.

Однако, с нашей точки зрения, учитывая масштабы территории России, многообразие природно-климатических зон, плотность населения, инфраструктурное обеспечение и другие факторы, нельзя применять одинаковые « типовые меры », особенно законодательного характера, например, к предприятиям, расположенным на Крайнем Севере и в Южном федеральном округе. В этом случае относительное равенство условий функционирования предприятий достигается в первую очередь за счет дифференцированного подхода к участникам хозяйственной деятельности.

В. П. Орешин определяет государственное регулирование экономики как «деятельность органов государственной власти по воздействию на процесс общественного воспроизводства в целях достижения общественно полезных результатов»⁵. Примерно аналогичной точки зрения придерживается Е. П. Губин, который трактует данную категорию как «деятельность (воздействие) государства в лице его органов, направленную на упорядочение отношений в рыночной экономике и предпринимательстве, которая базируется на определенном образом сформулированной и закрепленной государ-

¹Здесь и далее материалы диссертационного исследования автора (Иркутск, 2017).

²Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. 7-е изд., доп. и перераб. М.: Ин-т новой экономики, 2012. 1472 с.

³Ходов Л. Г. Государственное регулирование национальной экономики: учебник. М.: Экономистъ, 2005. 618 с.

⁴Михальченкова Н. А., Сметанина Т. М. Государственное регулирование экономики: учеб. пособ. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2004. С. 35.

⁵Орешин В. П. Государственное регулирование национальной экономики: учеб. пособ. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1999. С. 12.

ственной экономической политике»⁶. Следует подчеркнуть, что «общественно полезные результаты» или «упорядочение отношений» в условиях рынка могут касаться не только экономической составляющей, но и социальных, политических, религиозных, международных и других аспектов общественной жизни.

Будучи сложной категорией и способом воздействия на хозяйственную практику на микро-, мезо- и макроуровнях, с нашей точки зрения, государственное регулирование экономики должно рассматриваться в качестве дополнительного институционального средства к рыночному механизму, который в чистом виде уже не может решить всех производственных задач, стоящих перед страной. Исходя из сказанного, на наш взгляд, государственное регулирование экономики представляет собой деятельность государственных институтов, направленную на принятие, реализацию и контроль за выполнением нормативных актов, осуществляемых посредством специфических методов, форм и инструментов воздействия на структуру производства с целью устранения или смягчения недостатков рыночного механизма и поиска источников устойчивого развития экономики на различных уровнях хозяйствования.

Методы

Вопросы государственного регулирования экономики, в т.ч. в отраслевом разрезе, привлекают пристальное внимание ученых на протяжении длительного времени. В историко-экономическом аспекте можно выделить различные модели государственного регулирования экономики. В эпоху первоначального накопления капитала европейские государства регулировали торговлю, экспортно-импортные операции, ценообразование и некоторые другие области. Политика меркантилизма признавала государственное регулирование в качестве неотъемлемого условия подъема экономики и выхода промышленности и торговли на принципиально новый уровень, что позволило в дальнейшем сформировать основы протекционизма.

Импортирование дешевых ресурсов и всемерное поощрение экспорта готовой продукции, по мнению меркантилистов, обеспечивает национальный подъем государства. Один из видных представителей данного направления экономической мысли Т. Ман видел благополучие своей страны в

активной внешней торговле: «Мы должны постоянно соблюдать следующее правило: продавать иностранцам ежегодно на большую сумму, чем мы покупаем у них» [1, с. 153]. При соблюдении данного правила во внешнеэкономической деятельности страна имеет возможность ежегодно обогащаться на величину разницы между экспортом и импортом, которая «будет ввозиться к нам в виде денег, так как та часть наших товаров, за которую мы не получим в обмен товары же, будет по необходимости ввезена в виде денег».

Подобная экономическая стратегия содействовала централизации и усилению государственных институтов власти. В условиях отсутствия регулирования финансовых потоков оптимальным решением явилось стимулирование инфляционных ожиданий, за счет которого происходил приток золота и снижение ставки процента. Это побуждало население увеличивать инвестирование, а не сберегать накопленные денежные ресурсы, что, в конечном итоге, привело к процветанию ряда европейских экономик.

Однако значительно усилившийся класс крупных промышленных собственников столкнулся с существенными вопросами при освоении новых рынков. Как следствие, основной моделью государственного развития на ранних этапах функционирования капитализма становится набирающее силу учение классической политической экономии, предполагающее функционирование саморегулируемого рыночного механизма. Дж. М. Кейнс в числе причин возникновения принципа невмешательства государства в экономическую жизнь общества в XVIII–XIX вв. считал коррупцию, индивидуализм политических философов, а также несостоятельность людей, управлявших обществом. «Почти все, что делалось государством в восемнадцатом веке, было или казалось вредным или неудачным» [2, с. 370]. По его мнению, материальный прогресс, связанный с частной инициативой, дал благоприятную почву для утверждения о том, что «деятельность государства должна быть строго ограничена, а экономическая жизнь оставлена, насколько это возможно, вне регулирования и отдана на откуп здравому смыслу отдельных граждан, руководствующихся стремлением преуспеть в обществе».

Ведущие представители классического направления – А. Смит, Д. Рикардо и другие

⁶ Губин Е. П. Правовые проблемы государственного регулирования рыночной экономики и предпринимательства: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. М., 2005. С. 96.

экономисты – определяющую роль в развитии рынка отводили предпринимательству и конкуренции. В частности, А. Смит в работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» под «невидимой рукой» понимал рыночный механизм, уравнивающий предложение и спрос. Устойчивость экономического роста государства зависит от совокупности производителей, направляемых данной «рукой», обеспечивающих выполнение экономических задач за счет саморегулирования рынка [3, с. 443].

Дж. С. Милль был противником всеобщего государственного образования: «Положение, при котором правительство имело бы *de jure* (юридически) или *de facto* (фактически) неограниченную власть над народным образованием, нетерпимо. Обладать такой властью и реально пользоваться ею – значит, быть деспотичным. Правительство, которое может формировать мнения и чувства людей сызмала, в состоянии делать с ними все, что ему угодно [4, с. 963]. «...Laissez-faire должно быть общим правилом, и всякое отступление от него, правда, если подобное отступление не вынуждается какой-либо громадной пользой, будет очевидным злом» [4, с. 958].

Представители классической школы отрицательно относились к политике протекционизма, регулированию отдельных сфер экономики, ценообразования и заработной платы. По их мнению, государству для развития необходимо свои усилия направить на поддержку крупных торговых, промышленных и финансовых компаний, которые производят товары и услуги, гарантируют занятость населения, способствуют улучшению инфраструктуры, обеспечивают поступления в государственный бюджет в объеме, необходимом для реализации макроэкономических функций. К ним относятся необходимые обществу, но выгодные частному капиталу лишь косвенным образом: обеспечение обороноспособности страны и безопасности граждан, охрана жизни и здоровья человека, защита прав собственности, здравоохранение, образование, судебная система и др. С точки зрения представителей классического направления в условиях рыночных отношений во главу угла ставится свобода предпринимательства и конкуренции, а минимизация государственного регулирования экономики способствует эффективному функционированию рыночного механизма и существенно снижает его деформацию.

Одним из ключевых выводов классической школы является закон Сэя. Он не подвергался детальному анализу современниками, однако проходил красной нитью через их работы, которые «сплошь и рядом опираются на неявно постулированный процесс саморегуляции, нивелирующий отклонения от полной занятости» [5, с. 141]. Мысль о том, что предложение создает соответствующий спрос, т.е. нация всегда может купить все производимые ею товары, в своей сути подразумевает равновесие и, как следствие, политику невмешательства государства в механизм функционирования рынка. Впоследствии же считалось, что «если такой подход к анализу экономической конъюнктуры верен, то конкуренция между предпринимателями всегда вела бы к расширению занятости до уровня, при котором общее предложение продукции переставало бы быть эластичным; иными словами, когда дальнейший рост эффективного спроса больше не мог бы сопровождаться каким-либо ростом продукции. ...Закон Сэя равносильно предположению, что не существует препятствий к достижению полной занятости» [2, с. 60].

Дальнейший рост промышленного производства и постоянное усложнение хозяйственных связей между товаропроизводителями привели к утрате актуальности идей классической экономической теории о саморегулируемости рыночного механизма. Использование только одного рыночного механизма функционирования рынка стало причиной многочисленных нарушений равновесия между спросом и предложением. Разбалансированность воспроизводственного процесса и необходимость его регулирования была показана в работах представителей марксистской, маржиналистской и, впоследствии, кейнсианской школ.

Одним из главных возражений против идей классической концепции явилось несоответствие интересов частных предпринимательских структур и государства, выражаемое, например, в незаинтересованности бизнеса в развитии отдельных инфраструктурных отраслей или в экологозащитных мероприятиях, отсутствие которых приводит к большому количеству выбросов, загрязняющих окружающую среду. В этих условиях государство вынуждено искать точки соприкосновения, способные смягчить противоречия, возникающие на основе конфликта интересов участвующих сторон. Кроме того, следствием отсутствия государственного

регулирования, в частности рынка труда, явились серьезные социальные противоречия, вызванные низкой заработной платой и тяжелыми условиями работы, которые нередко приводили к массовым волнениям, демонстрациям, а в отдельных случаях даже революциям.

Возникшая во второй половине XIX в. марксистская модель государственного регулирования отставала принципы директивной экономики, которые широко использовались в советский период. Чтобы избежать экономических потрясений, К. Маркс предложил регулировать структуру совокупного общественного продукта, т.е. установить определенные пропорции между I и II подразделениями общественного воспроизводства (производством средств производства и производством предметов потребления) [6, с. 556–596]. Он считал, что поддержание макроэкономической пропорциональности возможно только при непосредственном государственном участии.

По мнению некоторых ученых, плановая экономика имела определенные преимущества по сравнению с капиталистической [7–10]. В частности, она обладала большей устойчивостью по отношению к кризисным явлениям и регулировала практически все направления внутренней экономической политики:

- планирование деятельности предприятий по выпуску товарной продукции, исходя из совокупного спроса населения;
- стимулирование научно-технического прогресса путем инвестирования части произведенного ВВП в средства производства;
- возведение торговых барьеров вплоть до полной закрытости национальной экономики или ее отдельных отраслей на внутреннем рынке;
- регулирование трудовых отношений, в частности режима труда и отдыха, заработной платы и продолжительности рабочего дня;
- значительные вложения в факторосберегающие инновации и др.

Для представителей маржиналистского течения экономической мысли – У. С. Джевонса, К. Менгера, Л. Вальраса – также был характерен отход от основных принципов классического направления. Сведенная впоследствии к предпочтениям, теория предельной полезности связывала ценообразование в структуре рыночного механизма с редкостью производственных ресурсов, из которых изготовлен тот или иной товар. В

частности, наиболее известный из маржиналистов швейцарский экономист Л. Вальрас видел условия устойчивости рынка в прямой зависимости между изменением цены и величиной избыточного спроса на основе свободной рыночной конкуренции [11].

Маржиналисты считали, что значительные сбережения, обеспечивающие стабильность функционирования компаний, могут не только являться сдерживающим фактором экономического роста, но и привести к спаду производства, снижению занятости и другим негативным последствиям. Для того чтобы сбережения превращались в инвестиции, необходима четко выстроенная денежно-кредитная система в сочетании с другими элементами экономической политики. Немаловажным обстоятельством является ценообразование, в результате которого на рынке может наблюдаться как дефицит, так и избыток товаров, работ и услуг. В этом случае рыночное равновесие достигается не только на основании оптимального объема производства, но и варьированной процентной ставки.

В конце XIX – начале XX вв. в странах с развитой рыночной экономикой стремительно происходил процесс отраслевой и межотраслевой централизации производства, негативными проявлениями которого являлись монополизм, колоссальный рост безработицы, значительное усложнение хозяйственных связей, увеличение рисков неэффективности управления в крупных компаниях и др. Все это привело к самому глубокому экономическому кризису капитализма – Великой депрессии 1929–1933 гг., которая поставила под сомнение главный тезис классической политической экономии о саморегулировании рынка как ключевом факторе процветания государства.

Причиной снижения авторитета модели саморегулирования рынка также явились серьезные макроэкономические достижения стран, которые предприняли активное вмешательство в хозяйственную деятельность. Успехи СССР, а также США в период правления Ф. Рузвельта, использовавшего элементы планирования, показали несостоятельность классической концепции развития производства в 30-е гг. XX в. С теоретической точки зрения большую роль в этом сыграла кейнсианская модель регулирования экономики.

Дж. М. Кейнс стал широко известен после выхода в 1919 г. своей работы «Экономические последствия Версальского мирного до-

говора». В ней он сформулировал план восстановления мирового хозяйства после I Мировой войны, подчеркивал роль Германии в качестве важного связующего звена европейского производства и обусловил значимость внешних рынков для государства [2, с. 463–620]. В последующих научных трудах и, прежде всего, в работе «Общая теория занятости, процента и денег» он отмечал необходимость активного государственного вмешательства в экономические процессы, ставящего своей целью поступательное развитие страны за счет стимулирования совокупного спроса. Он писал: «Наиболее важные пункты государственной "Повестки дня" должны быть связаны не с теми функциями, которые индивиды уже выполняют самостоятельно, а с теми, которые находятся вне сферы их деятельности и которые не может выполнять никто, кроме государства. Важно, чтобы правительство не выполняло, лучше или хуже, тех функций, которые и так выполняют индивиды, оно должно делать то, что сейчас не делается вообще» [2, с. 382]. Подобной позиции придерживался еще 16-й Президент США А. Линкольн, считавший, что государство должно «делать для людей то, что необходимо, но что они не могут сделать сами вообще или так хорошо, как это делает государство» [12, с. 388].

По мнению основоположника современной макроэкономической теории, масштабное государственное регулирование нивелирует сбой рыночного механизма, исчерпавшего свои возможности уже к началу XX в. Мягкое денежно-кредитное, бюджетное и налоговое централизованное вмешательство благоприятствует экономической стабилизации. Это особенно важно в условиях кризисных потрясений, так как уровень инвестиционной активности предприятий зависит от ставки процента и размеров их прибылей. «Для поддержания любого данного уровня занятости необходимы текущие инвестиции, поглощающие превышение совокупной продукции над тем, что общество желает потреблять при данном уровне занятости. ... Величина текущих инвестиций зависит от того, что мы будем называть побуждением инвестировать, а побуждение инвестировать, в свою очередь, зависит от отношения между графиком предельной эффективности капитала и комплексом норм процента по займам с разными сроками погашения и разной степенью риска» [2, с. 61]. Совокупный спрос определяет динамику рыночной конъюнктуры как в краткосрочном, так и в долгосрочном периодах, причем во втором случае наращивание именно инвестиционного, а не только потребительского спроса позволит добиться существенного роста национальной экономики.

В отличие от классической модели, в кейнсианской ведущая роль отводится государственным расходам, а бюджетное и налоговое регулирование способствуют достижению основных макроэкономических показателей. Наращивание социальных расходов обеспечило странам устойчивое развитие, способствовало формированию высокой налоговой культуры и повышению социально-экономической безопасности. В частности, проводимая в США политика «Нового курса» Ф. Рузвельта, предполагавшая централизованное вмешательство в экономические процессы, не рассматривалась частными компаниями, а тем более населением в качестве посягательства на их экономическую свободу, так как стихийное саморегулирование показало свою неспособность противостоять состоянию стагнации. Механизм макроэкономического регулирования, одним из направлений которого являлось перераспределение национального дохода через прогрессивную ставку подоходного налога, способствовал восстановлению экономики после Первой мировой войны и Великой депрессии, существенному росту абсолютной величины государственного бюджета, повышению производительности труда, внедрению достижений научно-технического прогресса, снятию социального напряжения в обществе и др.

Уверенность налогоплательщиков в том, что изъятые денежные средства будут направлены на их же блага, подтвердила на практике доказанную Кейнсом мысль о способности фискальной политики регулировать безработицу, ценообразование и динамику ВВП: «Результатом заполнения пробелов классической теории должно быть выяснение условий, которых требует свободная игра экономических сил для того, чтобы она могла привести к реализации всех потенциальных возможностей производства. Учреждение централизованного контроля, необходимого для обеспечения полной занятости, потребует, конечно, значительного расширения традиционных функций правительства» [2, с. 337–338].

Особой популярностью среди развитых рыночных экономик кейнсианская модель регулирования пользовалась в 1950–1970-е гг.,

когда правительства ведущих стран проводили курс на наращивание производства за счет активной инвестиционной политики и связанного с нею роста государственных расходов. Благодаря антициклическому регулированию укреплялась экономическая мощь государства, значительно увеличились реальные доходы и уровень занятости населения. К тому же рост благосостояния граждан положительным образом сказался на покупательной способности: существенно повысились темпы приобретения населением движимого и недвижимого имущества.

Однако постоянно возрастающие ставки налогообложения, которые требовались для выполнения крупных социально-экономических проектов, не содействовали дальнейшему росту экономики. Значительно возросший уровень налоговой нагрузки уже не оказывал оздоровительного эффекта, а постоянно увеличивающиеся государственные расходы не способствовали положительной динамике капиталовложений и, как следствие, перераспределение ВВП вошло в противоречие с темпами экономического роста, став серьезным бременем для хозяйствующих субъектов. Если в период расцвета кейнсианской политики задача денежно-кредитного регулирования сводилась к контролю процентных ставок, обеспечивающих максимальную занятость, то в 1970-е гг. данная модель оказалась непригодной в условиях изменившихся макроэкономических реалий.

Ускорение темпов хозяйственного развития за счет фискальной составляющей стало невозможным при стабильно функционирующей смешанной экономике. Если в период расцвета кейнсианской политики задача денежно-кредитного регулирования сводилась к контролю над процентными ставками, обеспечивающему максимальную занятость, то в 1970-е гг. в условиях изменившихся макроэкономических реалий данная модель оказалась непригодной. В ведущих мировых экономиках и некоторых развивающихся странах началась стагнация производства. Этот процесс сопровождался постоянными требованиями работников об увеличении заработной платы, что наряду со значительным ростом бюджетного дефицита и интенсивным расширением количества банковских кредитных операций способствовало существенному увеличению темпов инфляции. В изменившихся реалиях кейнсианство оказалось не в состоянии решить вопрос снижения инфляционных из-

держек при одновременном увеличении занятости. Крупный промышленно-производственный спад совместно с ростом внешнего и внутреннего государственного долга заставил правительства искать альтернативные подходы к государственному регулированию.

Как показала практика, эффективность действия кейнсианской концепции находится в обратной зависимости от степени интеграции государства в глобальную экономическую систему. Фактически, антикризисное регулирование в рамках данного подхода привело к стагнации экономики и не смогло повысить конкурентоспособность предприятий. Снижение предпринимательской инициативы, вызванное преимущественно высокими налоговыми ставками, значительно тормозит инновационную деятельность и модернизацию производства, а также может замедлить научно-технический прогресс. Крупнейшие мировые компании были вынуждены искать способы улучшения финансовых показателей за счет лоббирования уменьшения обременительной налоговой нагрузки. Кроме того, значительное количество недополученных бизнесом доходов «съедала» инфляция. Серьезным препятствием на пути выхода из экономического кризиса, помимо всего прочего, стал и разросшийся бюрократический аппарат.

Результаты и их обсуждение

Начавшийся в 70-е гг. XX в. в ряде стран экономический кризис, а также рост внешнего и внутреннего государственного долга показали приемлемость кейнсианской модели лишь в условиях динамичного увеличения производительности труда, а именно превышения темпов роста ВВП над темпами правительственных расходов, что заставило многие правительства искать альтернативные подходы к государственному регулированию. В наибольшей степени кризис затронул страны, политика которых предусматривала агрессивные налоговые инструменты и сопровождалась крупными социальными гарантиями и инвестиционными программами, например Францию и ФРГ. Государства же, выбравшие в качестве экономической стратегии регулирование совокупного спроса, такие как Япония, пострадали в значительно меньшей степени: поддержка промышленности привела к снижению риска нетрансформируемости экономики, способствовала развитию производственного и торгового секторов, увеличению поступлений в бюджет и росту платежеспособного спроса. Со сторо-

ны бизнеса укрепилось доверие к экономическим программам, призывающим значительно снизить огромные социальные расходы.

В 80-е гг. XX в. в условиях формирования информационного уклада, связанного с микроэлектроникой и компьютеризацией экономических процессов, и революционных изменений, коснувшихся сферы производства и прежде всего военно-промышленного комплекса, государству стало жизненно необходимо вкладывать значительные средства в науку с целью сохранения конкурентоспособности на мировом рынке. Расходы на социальную политику, имевшие весомый удельный вес в структуре бюджета и явившиеся локомотивом экономического развития при более низких темпах роста производительности труда, оказались неподъемными при хроническом бюджетном дефиците.

Как результат, в обществе вновь сформировалась идея саморегулируемости рынка в качестве ведущей модели развития. Государства стали направлять усилия на поиск методов борьбы с уклонением от уплаты налогов, на повышение налоговой дисциплины и вывод экономики из теневого сектора. Данные цели послужили побудительным мотивом для политических лидеров поставить сбалансированность бюджета в качестве основной задачи внутренней экономической политики [13]. На смену кейнсианской модели регулирования в изменившихся кризисных условиях пришла неоклассическая модель.

Ее сторонники рассматривали просчеты правительства и центрального банка как основную причину экономических потрясений, чрезмерного роста инфляции и снижения уровня занятости. Фундаментальной базой данной модели являлось положение об ограниченном государственном вмешательстве в хозяйственную жизнь общества. Задачи государства сводились к представительским функциям, обеспечению притока иностранного капитала, повышению обороноспособности страны и др.

По мнению неоклассиков, саморегулирование рынка способно практически без посторонней поддержки привести экономику в равновесное состояние, исправить даже значительные структурные диспропорции. В качестве объектов серьезной критики по-прежнему выступают бюджетный дефицит, растущий уровень внешнего и внутреннего государственного долга, а также высокая

степень неэффективности использования средств налогоплательщиков. Ключевым звеном на пути выхода из состояния кризиса представители неоклассического направления считали финансы домохозяйств, которые в совокупности с капиталовложениями предприятий и государственными инвестициями могли выступать в качестве регулятора экономического процесса. Результатом такого регулирования явилось снижение налоговых ставок, что способствовало увеличению производительного и потребительского спроса.

Популярными и доказавшими свою эффективность способами в борьбе с инфляцией и растущим бюджетным дефицитом явились приватизация и значительное сокращение социальных расходов, как было, например, в Великобритании в эпоху правления М. Тэтчер [14–16]. Если объективные доводы в пользу снижения социальной нагрузки первоначально рассматривались как не заслуживающие доверия у населения и способствовали потере политиками предвыборных очков, то затем прямая необходимость отмены ряда социальных проектов была встречена если не с одобрением, то с пониманием. В особенности это касалось ликвидации или, на крайний случай, серьезного сокращения пособия по безработице. С точки зрения сторонников теории экономики предложения – одного из ответвлений неоклассического подхода, вопрос поддержки неработающего экономически активного населения выглядел по меньшей мере спорно в период восстановления экономики, развития предпринимательства, укрепления частного сектора и появления значительного количества новых рабочих мест. По мнению ведущих представителей данного направления, такой фактически «налог на безделье» являлся одним из противодействующих факторов на пути к экономическому росту и способствовал увеличению безработицы [17–19].

Подобный подход, предполагавший существенное снижение социальных расходов и сокративший сбережения населения, повлек за собой кардинальное уменьшение инвестиций в частный сектор. Излишние средства, выделяемые в виде субсидий предприятиям и домохозяйствам, изменили структуру сбережений и расходов в пользу последних. Стимулирование же факторов производства позволило с наименьшими потерями выйти из экономических потрясений, а реализация долгосрочных планов обеспе-

чила конкурентоспособность в условиях трансформационной экономики.

В основе неоклассической модели лежало положение о минимальном регулирующем воздействии, обеспечивающем значительный мультипликативный эффект на протяжении продолжительного прогнозного горизонта. Получившим наибольшую известность направлением данной модели стала чикагская школа монетаризма, основателем которой является американский экономист Милтон Фридмен. В качестве инструмента регулирования была выбрана денежно-кредитная система государства, что нашло отражение в экономической политике российского правительства, в т.ч. в энергетическом секторе, в 90-е гг. XX в.

Монетаризм приобрел мировое признание в 70-е гг. XX в., когда кейнсианское бюджетно-налоговое регулирование не только не приводило к каким-либо значимым результатам, но и, наоборот, усугубляло ситуацию. В своих работах М. Фридмен призывал строить государственную экономическую политику на основе тщательного анализа происходящих событий. Особое внимание он уделял здоровому предпринимательству и свободной конкуренции, которые приводят в равновесие рыночную систему. Причиной всех экономических проблем рассматривалось чрезмерное государственное регулирование, не дающее рынку стабилизировать стихийно развивающиеся процессы.

По мнению создателя современной теории денег, в период стагфляции жизненно важно полностью контролировать деятельность центрального банка в вопросе эмиссии денежных знаков, так как все принципиальные экономические вопросы необходимо решать за счет средств бюджета. В качестве эффективного способа снижения инфляции М. Фридмен предлагал ограничить количество денег, находящихся в обращении, что в краткосрочной перспективе приостановит рост цен [20–22].

Если внутренняя экономическая стратегия государства направлена на развитие факторов производства, то в долгосрочной перспективе такое всемерное стимулирование совокупного предложения принесет значительные дивиденды в общенациональном масштабе. Грамотная денежно-кредитная политика приведет к стабилизации экономики, обеспечит благоприятный инвестиционный климат и стимулирование инноваций. Обоснованные правительственные решения должны не допустить увеличения темпов

инфляции и процентных ставок и быть направлены на развитие предпринимательства и восстановление денежной системы. По мнению монетаристов, рыночной системе присуща устойчивость, поэтому экономическая деятельность должна осуществляться за счет саморегулирования [23, 24].

Основоположник теории рациональных ожиданий Дж. Ф. Мут считал государственное вмешательство в рыночные процессы, в т.ч. в виде монетарной политики, полностью излишним [25]. Его последователи Р. Лукас, К. Симс и Т. Сарджент были убеждены в том, что увеличение центральным банком предложения денег не обеспечит улучшения реальных экономических показателей и попросту является бесполезным механизмом, так как субъекты рыночной системы обладают всей необходимой и достаточной информацией в своей области. Даже элементарный анализ стратегии экономического развития государства приведет к невозможности ее исполнения, поскольку основной целью деятельности предприятий является максимизация прибыли [26–30].

Главное отличие от монетаризма третьего течения неоклассической модели – теории экономики предложения – заключается в выборе бюджетно-налогового регулирования в качестве способа реализации экономической политики. Увеличение объемов производства и реальных доходов населения предполагает наличие дефицита бюджета на начальном этапе, которое компенсируется впоследствии. Кроме того, с точки зрения основателей теории А. Лаффера и Р. Манделла, снижение степени регулирования товаропроизводителей и понижение налоговых ставок обеспечит последующий значительный мультипликативный эффект [31–33].

Таким образом, неоклассический подход государственного регулирования заключается в достижении рыночного равновесия за счет увеличения совокупного предложения, снижении уровня налоговой нагрузки, частичной передаче государственной собственности коммерческому сектору, преодолении инфляции и повышении стабильности уровня цен, сокращении дефицита за счет урезания расходной части бюджета, а также стимулировании личных накоплений. Активное претворение в жизнь принципов данного подхода получило распространение в 1980–1990-е гг.

Как показал мировой опыт, применение различных течений неоклассической модели государственного регулирования, подразу-

мевающих свободу предпринимательства, далеко не во всех случаях эффективно. В странах с сырьевой экономикой, к которым, с определенной долей условности, относится и Россия, это может послужить причиной стагнации и невозможности внедрения новейших технологий в специализированные отрасли, в т.ч. добывающие углеводородное сырье.

В данных реалиях для развития собственного производства на определенный период целесообразно установить ряд протекционистских мер, выполняющих функцию своеобразного барьера, защищающего от иностранной конкуренции. Однако если этот период окажется продолжительным, то недополученные доходы могут значительно превысить реальные поступления в бюджет от отечественных товаропроизводителей.

Первой из развитых стран, применивших неоклассическую модель, стали США в 1980-е гг. Следствием проводимой монетарной политики за первые шесть лет правления администрации Р. Рейгана явилось сокращение расходов бюджета и «увеличение долга федерального правительства в неизменных ценах, приблизительно равное сумме реального долга, накопленного в течение первых двухсот лет существования страны, включая долговые обязательства по финансированию участия во Второй мировой войне» [34, с. 59]. Если по итогам 1981 г. государственный долг США составлял 31,3 % ВВП, то после 1986 г. – 47,4 % ВВП⁷. Результатом данной политики явились повышение процентной ставки и дефицит наличных денежных средств, первоначально не заметный при значительном поступающем денежном потоке из Европы, КНР, России и ряда других стран.

С 90-х гг. XX в. часть европейских государств также стали использовать неоклассические методы регулирования. Дефицит платежных средств в мировом масштабе привел к сильнейшему падению котировок акций на финансовых рынках, снижению цен на энергоносители и товары, потребляемые Европой и США. Воплощенная на практике, данная модель вылилась в кризисы на развивающихся рынках Таиланда, Южной Кореи, Индонезии, Бразилии и российский дефолт августа 1998 г.

Ее активное распространение претерпело существенные корректировки в связи с наступлением в государствах состояния экономической нестабильности. Так, в США в 1990-е гг. государственное вмешательство осуществлялось через уже не денежно-кредитную, а бюджетно-налоговую политику, и сопровождалось ростом правительственных расходов и увеличением бюджетного дефицита. Приверженность указанной модели сохраняется и в настоящий момент, в то время как популярность чисто монетаристского подхода значительно снизилась.

Заключение

В начале XXI в. развитые страны стимулируют экономику посредством синтеза классических и кейнсианских методов, применяемых к конкретным условиям. Размытие границ между моделями государственного регулирования происходит за счет гибкого сочетания новых подходов, имеющих значительную методологическую и научную проработку. Ключевая роль здесь отводится эффективности принятия решений, направленных на развитие высокотехнологичных секторов экономики, проведение энергосберегающей политики и обеспечение энергобезопасности страны, повышение качества человеческого капитала и уровня жизни. В таких условиях капитализация крупнейших компаний в значительной мере связана с нематериальными активами, эффективностью их структуры, уровнем квалификации сотрудников и внедрением инноваций в массовое производство. По мнению С. Ю. Глазьева, выход из финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. сопровождался постепенным переходом к постиндустриальному обществу и в своей основе предполагал становление нового технологического уклада [37, с. 32; 38].

Выбор между той или иной концепцией государственного регулирования в большей степени предопределяется социально-экономическим состоянием общества и внешними факторами. Необходимость в устойчивом развитии России, значительная роль в котором отводится эффективному функционированию отраслей промышленности, вынуждает правительство искать пути оптимизации централизованного воздействия на хозяйственную деятельность на микро-, мезо- и макроуровнях не только на

⁷По итогам 2012 г. совокупный государственный долг США впервые превысил уровень ВВП и составил 100,8 %, а по итогам 2015 г. увеличился до 103,8 % [35, 36]. В августе 2021 г. его размер составил 28,7 трлн долл.

базе новых или синтеза альтернативных теоретических моделей, но и за счет поиска нового инструментария механизма государственного регулирования экономики. Как

следствие, не исключено появление новых экономических доктрин, которые могут успешно воплотиться на практике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: в 5 т. Т. I: От зари цивилизации до капитализма / отв. ред. Г. Г. Фетисов. М.: Мысль, 2004. 714 с.
2. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
3. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
4. Милль Дж. С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М.: Эксмо, 2007. 1040 с.
5. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. 4-е изд. М.: Дело Лтд, 1994. 720 с.
6. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 2. Процесс обращения капитала. М.: Политиздат, 1978. 648 с.
7. Абалкин Л. И. «Капитал» К. Маркса и политическая экономия социализма. М.: Мысль, 1967. 215 с.
8. Аганбегян А. Г., Абалкин Л. И., Сорокин Г. М. и др. Интенсификация и эффективность социалистического производства. М.: Наука, 1988. 407 с.
9. Гэлбрейт Дж. К., Меньшиков С. Капитализм, социализм, сосуществование // Новое индустриальное общество. Избранное. М.: Эксмо, 2008. С. 1037–1189.
10. Шмелев Н. П. В поисках здравого смысла. Двадцать лет российских экономических реформ. М.: Весь мир, 2009. 514 с.
11. Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии, или Теория общественного богатства. М.: Изограф, 2000. 448 с.
12. Самуэльсон П. Э., Нордхаус В. Д. Экономика. 15-е изд. М.: БИНОМ, 1997. 800 с.
13. Трофимов С. Е. Историко-экономические аспекты государственного регулирования экономики // Известия ИГЭА (БГУЭП). 2014. № 6. С. 1. [https://doi.org/10.17150/2072-0904.2014.5\(6\).1](https://doi.org/10.17150/2072-0904.2014.5(6).1).
14. Замятин Л. М. Горби и Мэгги. Записки посла о двух известных политиках – Михаиле Горбачеве и Маргарет Тэтчер. М.: ПИК ВИНТИ, 1995. 184 с.
15. Перегудов С. П. Тэтчер и тэтчеризм. М.: Наука, 1996. 301 с.
16. Тэтчер М. Искусство управления государством: Стратегии для меняющегося мира. М.: Альпина Паблишер, 2012. 504 с.
17. Feldstein M. Inflation, Income Taxes and the Rate of Interest: A Theoretical Analysis // *American Economic Review*. 1976. Vol. 66. № 5. p. 809-820.
18. Laffer A. B. An Equilibrium Rational Macroeconomic Framework // Kamrany N. M., Day R. H. (eds.). *Economic Issues of the Eighties*. Baltimore: John Hopkins University Press, 1979. p. 44-57.
19. Mundell R. A. The Future of the International Financial System // Acheson A., Chant J., Prachowny M. (Eds.). *Bretton-Woods revisited*. Toronto, 1972. p. 91-104.
20. Фридмен М. Если бы деньги заговорили... М.: Дело, 1998. 160 с.
21. Фридмен М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006. 240 с.
22. Friedman M. The Quantity Theory of Money: A Restatement // Friedman M. (ed.). *Studies in the Quantity Theory of Money*. Chicago: University of Chicago Press, 1956. p. 3-21.
23. Friedman M. Money and Economic Development: The Horowitz Lectures of 1972. New York: Praeger; 1973. 67 p.
24. Friedman M. The Role of Monetary Policy // *American Economic Review*. 1968. № 58. p. 1-17.
25. Muth J. F. Rational Expectations and the Theory of Price Movements // *Econometrica*. 1961. Vol. 29. № 3. p. 315-335.
26. Lukas R. E. Expectations and the Neutrality of Money // *Journal of Economic Theory*. 1972. Vol. 4. № 2. p. 103-124.
27. Lukas R. E. Understanding Business Cycles // Lukas R. E. (ed.). *Studies in Business-Cycle Theory*. Cambridge: MIT Press, 1977. p. 215-239.
28. Sargent T. J., Sims C. A. Business Cycle Modeling Without Pretending to Have Too Much a Priori Theory // *New Methods of Business Cycle Research: Proceedings from a Conference*. Minneapolis: Federal Reserve Bank of Minneapolis, 1977. p. 45-109.
29. Sims C. A. A Simple Model for Study of the Determination of the Price Level and the Interaction of Monetary and Fiscal Policy // *Journal of Economic Theory*. 1994. Vol. 4. № 3. p. 381-399.
30. Sims C. A. Fiscal Aspects of Central Bank

Independence. Princeton, New Jersey: Princeton University, 2003. URL: <http://sims.princeton.edu/yftp/Munich/CBInd.pdf> (05.01.2015).

31. Laffer A. B. Monetary Policy and the Balance of Payments // *Journal of Money, Credit and Banking*. 1972. Vol. 4. № 1. p. 13-22.

32. Laffer A. B., Seymour J. P. The Economics of the Tax Revolt. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich, 1979. 138 p.

33. Mundell R. A. Monetary Theory: Inflation, Interest and Growth in the World Economy. Pacific Palisades, California: Goodyear, 1971. 189 p.

34. Стиглиц Дж. Ю. Экономика государственного сектора. М.: МГУ: ИНФРА-М, 1997. 720 с.

35. Federal Debt: Total Public Debt as Percent of Gross Domestic Product // *Economic Re-*

search. Federal Reserve Bank of St. Louis. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/GFDEGDQ188S> (20.01.2017).

36. Financial audit: Bureau of the Fiscal Service's Fiscal Years 2015 and 2014 Schedules of Federal Debt // U.S. Government Accountability Office. URL: <http://www.gao.gov/assets/680/674652.pdf> (05.11.2016).

37. Глазьев С. Ю. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов // *Вопросы экономики*. 2009. № 3. С. 26–38. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2009-3-26-38>.

38. Глазьев С. Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития. Доклад. М.: Ин-т экономических стратегий, Русский биографический ин-т, 2015. 60 с.

REFERENCES

1. Fetisov GG (ed.). World economic thought. Through the prism of centuries: in 5 vol. Vol. 1: From the Dawn of Civilization to Capitalism. Moscow: Mysl'; 2004. 714 p. (In Russ.).

2. Keynes JM. The General Theory of Employment, Interest and Money. The Collected Writings. Moscow: Eksmo; 2007. 960 p. (In Russ.).

3. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Moscow: Eksmo; 2007. 960 p. (In Russ.).

4. Mill JS. Principles of Political Economy with Some of Their Applications to Social Philosophy. Moscow: Eksmo; 2007. 1040 p. (In Russ.).

5. Blaug M. Economic theory in retrospect. 4th ed. Moscow: Delo Ltd; 1994. 720 p. (In Russ.).

6. Marx K. Capital: A Critique of Political Economy. Vol. 2: The Process of Circulation of Capital. Moscow: Politizdat; 1978. 648 p. (In Russ.).

7. Abalkin LI. "Capital" K. Marx and the political economy of socialism. Moscow: Mysl'; 1967. 215 p. (In Russ.).

8. Aganbegyan AG, Abalkin LI, Sorokin GM, et al. Intensification and efficiency of socialist production. Moscow: Nauka; 1988. 407 p. (In Russ.).

9. Kenneth JG, Menshikov S. Capitalism, Communism, and Coexistence. *Novoe industrial'noe obshchestvo. Izbrannoe*. Moscow: Eksmo; 2008. p. 1037-1189. (In Russ.).

10. Shmelev NP. In search of common sense. Twenty years of Russian economic reforms. Moscow: Ves' mir; 2009. 514 p. (In Russ.).

11. Walras L. Elements of Pure Economics, or The Theory of Social Wealth. Moscow: Izograf; 2000. 448 p. (In Russ.).

12. Samuelson PA, Nordhaus W. Economics. 15th ed. Moscow: BINOM; 1997. 800 p. (In Russ.).

13. Trofimov SE. Historical and economic aspects of governmental regulation of economy. *Izvestiya IGEA (BGUEP)*. 2014;6:1. (In Russ.). [https://doi.org/10.17150/2072-0904.2014.5\(6\).1](https://doi.org/10.17150/2072-0904.2014.5(6).1).

14. Zamyatin LM. Gorby and Maggie. Ambassador's notes on two famous politicians - Mikhail Gorbachev and Margaret Thatcher. Moscow: PIK VINITI; 1995. 184 p. (In Russ.).

15. Peregudov SP. Thatcher and Thatcherism. Moscow: Nauka; 1996. 301 p. (In Russ.).

16. Thatcher M. Statecraft: Strategies for a Changing World. Moscow: Al'pina Publisher; 2012. 504 p. (In Russ.).

17. Feldstein M. Inflation, Income Taxes and the Rate of Interest: A Theoretical Analysis. *American Economic Review*. 1976;66(5):809-829.

18. Laffer AB. An Equilibrium Rational Macroeconomic Framework. *Economic Issues of the Eighties*. Baltimore: John Hopkins University Press; 1979. p. 44-57.

19. Mundell RA. The Future of the International Financial System. *Bretton-Woods revisited*. Toronto, 1972. p. 91-104.

20. Friedman M. If Money Talked... Moscow: Delo; 1998. 160 p. (In Russ.).

21. Friedman M. Capitalism and Freedom. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2006. 240 p. (In Russ.).

22. Friedman M. The Quantity Theory of Money: A Restatement. *Studies in the Quantity Theory of Money*. Chicago: University of Chica-

- go Press; 1956. p. 3-21.
23. Friedman M. Money and Economic Development: The Horowitz Lectures of 1972. New York: Praeger; 1973. 67 p.
24. Friedman M. The Role of Monetary Policy. *American Economic Review*. 1968;58:1-17.
25. Muth JF. Rational Expectations and the Theory of Price Movements. *Econometrica*. 1961;29(3):315-335.
26. Lukas RE. Expectations and the Neutrality of Money. *Journal of Economic Theory*. 1972;4(2):103-124.
27. Lukas RE. Understanding Business Cycles. *Studies in Business-Cycle Theory*. Cambridge: MIT Press; 1977. p. 215-239.
28. Sargent TJ, Sims CA. Business Cycle Modeling Without Pretending to Have Too Much a Priori Theory. *New Methods of Business Cycle Research: Proceedings from a Conference*. Minneapolis: Federal Reserve Bank of Minneapolis; 1977. p. 45-109.
29. Sims CA. A Simple Model for Study of the Determination of the Price Level and the Interaction of Monetary and Fiscal Policy. *Journal of Economic Theory*. 1994;4(3):381-399.
30. Sims CA. Fiscal Aspects of Central Bank Independence. Princeton, New Jersey: Princeton University; 2003. Available from: <http://sims.princeton.edu/yftp/Munich/CBInd.pdf> [Accessed 5th January 2015].
31. Laffer AB. Monetary Policy and the Balance of Payments. *Journal of Money, Credit and Banking*. 1972;4(1):13-22.
32. Laffer AB, Seymour JP. The Economics of the Tax Revolt. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich; 1979. 138 p.
33. Mundell RA. Monetary Theory: Inflation, Interest and Growth in the World Economy. Pacific Palisades, California: Goodyear; 1971. 189 p.
34. Stiglitz J. Economics of the Public Sector. Moscow: MGU: INFRA-M; 1997. 720 p. (In Russ.).
35. Federal Debt: Total Public Debt as Percent of Gross Domestic Product. *Economic Research. Federal Reserve Bank of St. Louis*. Available from: <https://fred.stlouisfed.org/series/GFDEGDQ188S> [Accessed 20th January 2017].
36. Financial audit: Bureau of the Fiscal Service's Fiscal Years 2015 and 2014 Schedules of Federal Debt. *U.S. Government Accountability Office*. Available from: <http://www.gao.gov/assets/680/674652.pdf> [Accessed 5.11.2016].
37. Glaziev S. World Economic Crisis as a Process of Substitution of Technological Modes. *Voprosy Ekonomiki*. 2009;(3):26-38. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2009-3-26-38>.
38. Glaz'ev SYu. On urgent measures to strengthen the economic security of Russia and to put the Russian economy on a trajectory of advanced development. Report. Moscow: In-t ekonomicheskikh strategii, Russkii biograficheskii in-t; 2015. 60 p. (In Russ.).

Информация об авторе

С. Е. Трофимов,
кандидат экономических наук,
Байкальский государственный
университет,
664011, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, Россия

Information about the author

Sergei E. Trofimov,
Cand. Sci. (Econ.),
Baikal State University,
11 Lenin St., Irkutsk, 664011, Russia

Вклад автора

Автор провел исследование, подготовил статью к публикации и несет ответственность за содержание.

Contribution of the author

The author has conducted the study, prepared the article for publication and bears the responsibility for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict interests

The author declare no conflict of interests regarding the publication of this article.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The final manuscript has been read and approved by the author.

Статья поступила в редакцию 28.10.2021.
Одобрена после рецензирования 25.11.2021.
Принята к публикации 26.11.2021.

The article was submitted 28.10.2021.
Approved after reviewing 25.11.2021.
Accepted for publication 26.11.2021.